

Пролог

Человек медленно поднимался по лестнице, держа в руке «браунинг», и торжественно думал о том, что час расплаты пробил и совсем скоро стерва получит по заслугам. Вот сейчас она вернется домой, вся из себя роскошная, уверенная, успешная: подкатит к дому на своем крутом джипе, войдет в подъезд, поднимется на свой этаж, выпорхнет из лифта, шагнет к двери и остолбенеет, увидев *его*...

Да, она остолбенеет, эта сучка, потому что никак не ожидает увидеть его здесь. И уж никак не ожидает мести! Думает, что ей все сошло с рук. Только зря! Такие, как она, роскошные, самоуверенные, успешные, иногда получают по заслугам. А уж ей, этой гадине, давно пора преподать урок!

Человек, не сдержав злорадного смешка, преодолел последнюю ступеньку и, перебросив «браунинг» из одной руки в другую (на обеих были вязанные перчатки), нырнул за стоявшую в фойе (а попросту на лестничной клетке) кадку с пальмой. Он был не уверен, что стерва вернется скоро, но готов был ждать сколько угодно, ведь месть, как известно, блюдо, которое поедают холодным...

Часть I

День первый

Ева

Ева вышла из супермаркета и, поевшись от холода, быстро направилась к своему джипу, забралась в просторный салон, поспешно скрываясь от колючего зимнего ветра. Устроившись, швырнула на заднее сиденье пакет с покупками, стряхнула с белокурых волос снежинки, аккуратно провела подушечками пальцев по нижним векам, стирая несуществующие потеки туши, и затем посмотрела на себя в зеркало. Как и следовало ожидать, отражение было безупречным — влагостойкий макияж Евы Новицкой не могли испортить ни ветер, ни снег, ни мороз, а ее красоту — ни недосып, ни похмелье, ни насморк (в данный момент она страдала от всех этих напастей вместе взятых).

Одобрительно улыбнувшись своему отражению, Ева завела мотор. Пока машина грелась, ее хозяйка поглядывала в окно, прикидывая, в каком направлении двинуть, чтобы побыстрее выехать со стоянки супермаркета. После осмотра периметра Ева пришла к неутешительному выводу — куда ни поверни, везде пробки, а у шлагбаума очередь, как на границе с Литвой в дни забастовки таможенников.

— Чертовы праздники! — выругалась Ева сквозь зубы. — Все как с ума посходили! — Она долбанула

кулаком по клаксону, заметив, что какая-то идиотка прокатила нагруженную тележку в опасной близости от хромированного бампера ее джипа. — Убила бы... — рыкнула она. И в сердцах добавила: — Кто бы знал, как же я ненавижу Новый год!

Да, Ева на самом деле ненавидела Новый год. Как и Рождество, и Пасху, и прочие семейные праздники. Когда народ носился по магазинам в поисках подарков, ломал голову над тем, какое угощение приготовить, чтоб всех удивить, украшал дома дурацкими гирляндами, она ходила раздраженная и злая, презируя всех вокруг. Ее бесило общее лицемерие — Ева не верила, что все эти люди, увешанные пакетами с бездарными подарками, скупающие елки, шампанское, красители для яиц, искренне радуются приближению праздника, замирая от восторга в его предвкушении, а не совершают привычный и обязательный ритуал. А сами торжества... Разве могут семейные сборища за ломящимся от жратвы и выпивки столом доставить удовольствие нормальному человеку? Только пьяницам, для кого праздник — законный повод надраться, да вечно голодающим дурам, позволяющим себе разговляться только на Новый год и Пасху, и еще престарелым тетушкам, коих родственники так редко приглашают в гости, что в другое время трудно найти слушателя, готового внимать рассказам на тему «А вот в наши годы...».

Представляя такие вот «праздники», Ева всякий раз передергивалась и радовалась тому, что у нее нет семьи. Ей уже исполнилось тридцать три, но она не обзавелась ни мужем, ни детьми, а с родственниками отношений не поддерживала. Даже с близкими — от-

цом и братом, не говоря уже о всяких двоюродных племянницах, тетях и дядях. Ни с теми, ни с другими Ева не хотела иметь ничего общего! Особенно с отцом, старым бандюганом по кличке Вульф, проведенным на зоне полжизни и передавшим свои дурные наклонности сыну. Тот — милый мальчик Денис Новицкий, он же нежный пидорок Дусик, он же несостоявшийся поп-стар Дэнис — едва не прибил приживалку своей бабки, Аньку Железнову, за что загремел туда, откуда полжизни не вылезал его папаша.

Как говорится — яблоко от яблони... Видно, на генном уровне Дусику передалась тяга к насилию. А как иначе? Воспитывала Дениску и Еву (Ефросинью от рождения) бабка, которая с отцом, тюремным завсегдатаем, детям видется не позволяла, боясь как раз дурного влияния. И вот, поди ж ты, не уберегла внучка! Хотя могла бы, если бы в юности из дома его не выгнала. А она именно так и сделала! Как увидела Дусика, целующегося в подъезде с парнем, так и вышвырнула его из квартиры и из своей жизни. Только из сердца долго вышвырнуть не могла. Любила, но не прощала — Элеонора Новицкая, Евина бабка, прощать не умела. И в этом Ева пошла в нее!

Ева все же выехала со стоянки, едва не протащив какой-то «жигуль», мешавший ей. Но не успела набрать приличную скорость, как пришлось остановиться на светофоре — по закону подлости красный загорелся сразу, как только она к нему подкатила. Чтобы во время стоянки не видеть, как по тротуарам носятся ополоумевшие от предновогодней суеты москвичи, а

ряженные в Дедов Морозов магазинные зазывалы заманивают идиотов несуществующими скидками и бонусами, принялась красить губы. Пока ждала, когда загорится зеленый, к машине то и дело подбегали попрошайки, пытаясь выклянчить у владелицы роскошного джипа мелочь на хлебушек, лекарства, билет до дома, новый протез и так далее. На все эти просьбы Ева отвечала полным равнодушием. Она никогда не подавала милостыню, даже тем, кто явно в ней нуждался. Ее не трогали страдания обманутых вкладчиков, нищих старух, безногих афганцев и голодающих в далекой Африке детей. Ведь не зря ее величали «стервой» в глаза и «отпетой сукой» за глаза. Не зря журналисты, обожающие описывать скандальные выходы известной певицы Евы Шаховской, нарекли ее «ведьмой». И не зря мужики, все эти разномастные козлики, с деньгами и без оных, из-за нее плакали, страдали, изнывали, пытались покончить с собой...

Да, и такое было! Двое брошенных ею мужчин чуть не отправились на тот свет (один резал вены, второй травился), обоих, правда, спасли (первый взял тупую бритву, второй выпил до смешного мало таблеток), но не это суть важно, главное — без нее они не хотели жить, а что не умерли, даже хорошо: зачем ей ненужные угрызения совести, от них цвет лица портится...

Надо сказать, что сукой Ева была не всегда. Излишне самоуверенной, слегка заносчивой, порой надменной, но не более чем остальные красавицы, выросшие в отдельных арбатских квартирах и ни в чем не нуждающиеся. Когда-то она даже плакала из-за мальчиков и комплексовала из-за своего дурацкого имени. Но это было давно, классе в третьем. Потом уже маль-

чки плакали из-за нее, а имя она поменяла, велев всем величать себя Евой...

Уже в тринадцать Ева слыла первой красавицей школы. На нее ходили смотреть старшеклассники, а ребята-одногодки дрались из-за ее портфеля. Когда ей исполнилось четырнадцать, за ней стали ухаживать самые завидные «женихи» школы, но Ева, внимающая бабушке, как царице небесной, не обращала на них внимания.

«Будь приветлива, но холодна, — наставляла та внучку. — Ты же не хочешь, чтобы они решили, будто ты легкая добыча. Флиртуй, обнадеживай, но держи их на расстоянии. Всему свое время!»

В шестнадцать Ева решила, что время пришло — ей очень понравился парень из соседнего двора: молодой человек с эффектной внешностью и блестящими перспективами (на тот момент он перешел на четвертый курс МГУ). Они гуляли по ночной Москве, обнимались за столиками кафе, целовались по-взрослому, с языком. Ева так им увлеклась, что хотела отвадить остальных поклонников, но тут опять вмешалась бабушка:

«Не надо никого отваживать! Пусть вьются вокруг тебя. Чем их больше, тем лучше. Красивой женщине нужна свита и пара запасных вариантов!»

Ева, как всегда, послушалась, и правильно сделала, потому что студент ей через месяц надоел, а ему надоели детские обжимания за столиками, и они расстались. На место убившего прибыла замена в лице друзей-курсантов, и Ева опять почувствовала себя в своей стихии. Она кокетничала, очаровывала, обнадеживала и ускользала, ускользала...

Ее любили, по ней сходили с ума. И причиной были не только ее красота, ум, женственность, но и умение подать себя. В то время, когда все девчонки щеголяли в джинсах с рваными коленками, в косухах, бейсболках, кедах, обвешивались кожаными браслетами, шнурками, феньками, она носила исключительно юбки, все элегантной длины до колена, модельные туфли, скромные золотые украшения. Ева умеренно красилась, не начесывала волосы в стог, но умудрялась быть модной. Ей подражали, фасоны ее платьев перерисовывали, чтобы заказать в ателье подобные, но никому не удалось стать хоть чуть-чуть похожей на нее. Ни у одной из девочек, включая дочерей дипломатов и внучек завмагов, не было такой портнихи, как у Евы Новицкой, такого вкуса, как у Евы Новицкой, такого чутья, как у Евы Новицкой, потому что у них не было такой бабушка, как у Евы...

Ева старалась во всем подражать Элеоноре. Она для нее была воплощением идеальной женщины. Часами девушка рассматривала старые фотографии бабушки и поражалась ее умению в любых обстоятельствах выглядеть сногшибательно. Даже на пикники Элеонора ездила не в спортивных штанах, на фоне тренировочно-панамочных теток она в светлых бриджах, удобных туфельках на низком каблуке, шляпке-канотье смотрелась, как герцогиня среди крестьянок... Ранним утром, только встав с постели, Элеонора облачалась в элегантное домашнее платье, шлепки на каблук, подкрашивалась сразу после умывания, делала прическу. Ни один мужчина не видел ее в бигуди, с маской на лице. «Есть леди, которые выглядят, как шлюхи, — говорила Элеонора своей подружке Вете

Голицыной, когда та начинала над ней подсмеиваться. — А есть шлюхи, выглядящие, как леди. Я из последних...» Ева эту фразу запомнила и взяла на вооружение.

...Первая кошка между бабушкой и внучкой пробежала в год, когда Ева заканчивала школу. Несмотря на блестящие способности к математике и языкам, девушка не собиралась поступать в институт (ее идеал — бабка высшего образования не имела, значит, ей это тоже не обязательно), но Элеонора настаивала. «Сейчас не те времена, чтобы без профессии оставаться — неразбериха, бардак, никакой стабильности, — втолковывала она Еве. — Да и мужик уже не тот, сам норовит бабе на шею сесть. Учись, пока бесплатно в вузы принимают, через пару годков только за деньги будут...»

Ева сделала вид, что вняла уговорам, а сама решила так: пока сдаю выпускные экзамены, ищу богатенького мужичка, за которого по-быстрому выхожу замуж, живу с ним пару лет, потом развожусь, меняю его квартиру, продаю свою часть и с деньгами возвращаюсь на Арбат под крылышко любимой бабули. Сомнений в том, что кандидат в супруги найдется так быстро, как она пожелает, у Евы не было — к ней мужики липли, словно мухи. А уж женить на себе прилипшего ей казалось делом плевым. Влюбить в себя, очаровать, раззадорить, а когда он будет умирать от желания ею обладать, заявить, что она девственница и намеревается лишиться невинности только после свадьбы... И куда он после этого денется? Женится, естественно, женится как миленький...

Все-таки здорово, думала Ева, что бабушка втолко-

вала ей, какой ценный товар девичья честь. «Храни девственность до замужества, — всегда говорила Элеонора. — Супруг это оценит... при разводе...» И Ева хранила! Однако лишилась ее не с мужем (она ни разу не зарегистрировала свои отношения) и не с любимым, а с каким-то алкашом-авангардистом, который писал ее портрет в стиле «ню»...

Но произошло это не в выпускное лето, а чуть позже... После того как бабушка из кумира превратилась в тайного врага! А случилось это так...

Ева, не нашедшая достойного жениха до начала июля (именно тогда все ее одноклассники ринулись подавать документы для поступления в вузы), решила попытать удачи на ниве творчества, то есть поступить в ГИТИС на актерский факультет. Профессия хорошая, достойная такой красавицы, а главное, не требующая, как Еве казалось, больших физических затрат: вышла, нарядная, к камере, покривлялась — и спи, отдыхай... С этими мыслями Ева отнесла документы в институт. Ее не смутил тот факт, что она совершенно не подготовлена, не испугал конкурс (тридцать человек на место), а мыслей о своей бесталанности она и не допускала.

Первый отборочный тур Ева прошла со скрипом. Спасла ее только красота, не оставившая равнодушным председателя комиссии. Однако всем, в том числе и абитуриентке, стало ясно — после второго тура ее отсеют. С этой бедой Ева побежала к бабушке. Элеонора, презиравшая неудачников, велела внучке «кровь из носу» поступить, а в помощь выделила одного из своих многочисленных поклонников — политического комментатора Баумана Андрона Евгеньевича, окон-